

DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-118-127

ВИТАЛЬНОСТЬ РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

И.Д. Тодорова

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

В статье осуществлена попытка осмысления витальности/жизнеспособности русского языка сквозь призму русскоязычной (транслингвальной) литературы, создаваемой нерусскими по происхождению авторами. Под витальностью мы понимаем способность языка к выживанию, развитию, сохранению своих системно-типологических свойств. По мнению социолингвистов, витальность языка поддается измерению, в процессе которого учитывается ряд параметров: социально-политические, социально-демографические, собственно лингвистические, социально-функциональные, национально-культурные. Настоящая работа сосредоточена на особом параметре измерения витальности русского языка — русскоязычной литературе. По нашему убеждению, русскоязычная литература (альтернативная дефиниция — транслингвальная литература) представляет собой сложное взаимодействие двух (или более) языковых систем, продуцируя семантически и структурно обогащенное смысловое поле. Корпус транслингвальных художественных текстов, в свою очередь, представляет собой базу данных, аккумулирующих и развивающих потенции русского языка. Основные методы: дедуктивный и оценочно-описательный (дескриптивный).

Ключевые слова: витальность языка, параметры измерения витальности языка, русскоязычная (транслингвальная) литература

1. ВВЕДЕНИЕ

Подвергая изучению тему витальности (жизнеспособности) русского языка, исследователь прежде всего обратится к специальным словарям в поисках наиболее полного определения термина. Из трех словарей (Словарь социолингвистических терминов. Москва, 2006; Словарь социолингвистических терминов. Астана, 2007; Словарь терминов межкультурной коммуникации. Москва, 2013), к которым обратился автор настоящей статьи, наиболее расширенное толкование содержит словарь, изданный в Астане в 2007 году [1].

Витальность языка в данном словаре определяется как «жизнеспособность (жизненность), выживаемость, устойчивость, способность языка к выживанию и развитию», которая измеряется совокупностью объективных и субъективных параметров [1. С. 298].

К наиболее важным параметрам измерения жизнеспособности языка социолингвисты относят следующие: социально-политические; социально-демографические; собственно лингвистические параметры; социально-функциональные; национально-культурные.

Среди **социально-политических параметров** группа известных казахстанских ученых — авторов данного словаря (Э.Д. Сулейменова, Н.Ж. Шаймерденова, Ж.С. Смагулова, Д.Х. Аканова) выделяют следующие: осуществление целенаправленной языковой политики в области статусного планирования языка и корпусного планирования языка; наличие государственных программ поддержки и развития языка, развитие социальной инфраструктуры полноценного функционирования языка (образовательные учреждения, органы печати, радиосеть, телекомпании и телепрограммы, книгоиздание и т.п.) и др.

К **социально-демографическим параметрам** ученые относят число носителей конкретного языка в отношении с общей численностью данной этнической группы, число носителей языка (как родного языка) среди младшего поколения, соотношение числа билингвов и монолингвов (носителей данного языка), степень двуязычия среди носителей конкретного языка и др.

Собственно лингвистические параметры подразумевают наличие литературного языка, степень разработанности и стабильности языковой нормы как совокупности унифицированных, устойчивых и обязательных реализаций, внутривидовые параметры (скорость распространения языковых инноваций, устойчивость языка к иноязычному влиянию, наличие отраслевых терминологий, динамика развития лексикона и др.), наличие диалектов и их отношение к литературному языку и др.

К категории **социально-функциональных параметров** социолингвисты относят количество функций языка и интенсивность его использования в наиболее важных сферах жизни общества, прежде всего в образовании (основной сфере формирования языковой компетенции), науке (гуманитарной и естественно-технической), СМИ, административной деятельности и делопроизводстве, судопроизводстве, промышленных предприятиях и других сферах производства.

Среди **национально-культурных параметров** выделяют национальное искусство, театр, кино, религию, различные виды литературы (художественной, лексикографической, религиозной, деловой, учебной, терминологической и пр.), традиционные промыслы и др. [1. С. 298—299].

Как видим, в некоторых пунктах косвенно затрагиваются те или иные стороны (книгоиздание; билингвы, степень двуязычия) особого параметра, которому посвящена настоящая работа, а именно феномену так называемых билингвальных и/или транслингвальных поэтов/писателей, создающих русскоязычную литературу.

В настоящей работе под русскоязычной литературой понимается совокупность художественных текстов (проза, поэзия, драма, в том числе автоперевод), созданных нерусскими авторами на русском языке, т.е. та литература, которая практически не подпадает под определение «национальная литература». Как представляется, эту литературу следует рассматривать как особый параметр измерения витальности русского языка.

2. ОБСУЖДЕНИЕ

До сих пор ученые и литераторы, писатели и критики не пришли к единому взгляду на данный феномен. Русскоязычная литература после 1991 года довольно

часто определяется в работах филологов как *билингвальная* или *транслингвальная*. В трудах некоторых ученых, например М.М. Ауэзова, русскоязычная литература дефинируется как *русскоязычная ветвь национальной литературы*. Опираясь на исторические факты, в частности англоязычную литературу ирландского этноса («К примеру, ирландский этнос, давший англоязычной литературе таких писателей, как Свифт, Гольдсмит, Лоренс Стерн, Оскар Уайльд, Бернард Шоу, Джордж Мур, Джеймс Джойс, вот уже несколько столетий не имеет литературы на ирландском языке» [2. С. 111]), М.М. Ауэзов отмечает, что подобные исторические факты свидетельствуют о формировании *особого типа личности* — «*маргинальной*». Подобный тип личности способен к восприятию культуры как изнутри, так и извне, в крупном масштабе; он предрасположен к целостному пониманию этнической культуры, ее состояния и перспектив в соотношении с другими культурами. «Благодаря этому качеству маргинальные личности неоднократно исполняли в истории роль активных деятелей как в развитии одной, отдельно взятой культуры, так и в процессе ее взаимосвязей с другими культурами» [2. С. 108].

С точки зрения известного южно-осетинского ученого Н.Г. Джусойты (1925—2017), русскоязычную литературу нельзя назвать национальной ни по языку, ни по этническому происхождению автора, т.е. раз и навсегда прикрепить ее к русской (национальной) литературе или литературе другого народа, к которому принадлежит писатель по праву рождения [3]. Так или иначе эта литература создается на русском языке.

До распада единой советской культурно-исторической общности (1991) русскоязычная литература исследовалась в контексте многонациональной советской литературы, в том числе в рамках *теории ускоренного развития младописьменных литератур* (Г.Д. Гачев и др.). После 1991 года, несмотря на то, что понятия «многонациональная советская литература», «ускоренное развитие младописьменных литератур» постепенно забывались, круг исследователей этого объекта не сузился, а, напротив, расширился (В.Р. Аминева, М.М. Ауэзов, У.М. Бахтикиреева, О.А. Валикова, Г.Г. Гамзатов, С.А. Гринберг, М.М. Джусупов, Н.М. Джусупов, Е.И. Зейферт, И.Т. Какильбаева, Е.Н. Кремер, З.А. Кучукова, Н.Л. Лейдерман, А.В. Подобрий, А.И. Смирнова, М.В. Глостанова, Р.О. Туксаитова, А.Б. Туманова, И.С. Хугаев, Г.Т. Хухуни, Э.Ф. Шафранская и др.).

Исследуя истоки русскоязычной литературы, У.М. Бахтикиреева в своей монографии подробно останавливается на трудах разных авторов, посвятивших свои работы данной проблематике (А.С. Пушкин, Г.Д. Гачев, В.Д. Оскоцкий, Н.Л. Лейдерман, Ш. Мазанаев, Т. Толстая и др.). Так, в монографии У.М. Бахтикиреевой отмечается, что Г.Д. Гачев начинал активно исследовать феномен русскоязычной литературы с 1970-х годов. «На периферии российского региона, как и на периферии античного: Эллады и Рима, — их культурой и языком воспользовавшись, складывается и растет-крепнет могучая культура — творчество. Она — на русском языке, но и *сверх-русская* (или «*недо-русская*», как иные считают пуристы?...). Использовал мировой Дух (Гегеля если схемой воспользоваться) для своих целей русский язык и его великую литературу — и пошел сим Словом орошать и плодотворить; а новообращенные в него свою живую кровь и Эрос вливают... Так что

русский язык перестал совпадать с Россией. И давно уже этот процесс идет...» (выделено нами. — И.Т.) [4. С. 39].

Ученый подчеркивает, что такая литература «таит в себе как бы двуплановое содержание, и выявить его целиком можно лишь, если рассматривать его одновременно в двух рядах: в ряду: 1917—1961 и в ряду: начало истории человечества — 1961» [цит. по: 4. С. 39].

Начало истории человечества (человечности — прим. авт.), о котором писал Г.Д. Гачев, очевидно, связано с национально-освободительным движением стран-колоний Азии, Африки и Латинской Америки. Это движение сопровождалось многочисленными встречами разного уровня, посвященными в том числе и осмыслению художественной литературы этих стран, созданных на языке метрополии («языке колонизатора»). Такие форумы проходили и в СССР.

Спустя десятилетие Г.Д. Гачев отмечает, что сосуществование в советском обществе литератур, отражающих художественные образы иных культур, не наблюдалось «ни в одной стране в мире». Осмысление и описание этого объекта необходимо уже потому, что оно способствует более глубокому пониманию закономерностей литературы в целом [4].

Распад Советского Союза стал своего рода бифуркационной точкой. Исследования русскоязычной литературы «старого образца» уступают место новым эпистемологиям. Стали появляться работы, в которых прежнее понятие «советская литература» подвергалось критическому осмыслению (например, «монстр, гибрид, “советской литературы”» (Т. Толстая).

Как и бывает при смене культурно-исторических эпох, произошел сдвиг в осмыслении этого «гибрида» — русскоязычной (нерусской, «ничейной») литературы. Известный писатель Т. Толстая в середине 1990-х характеризовала русскоязычную литературу как «странный и небывалый сплав», который стал пониматься как часть советской литературы.

Создававшаяся нерусскими по происхождению авторами литература на русском языке вызывала вопросы и острые дискуссии. “Despite the exponential growth of transcultural/translingual studies in recent decades, phenomenon of literary translingualism is still open to question. Specifically, it has been suggested that translingual practices in literature are equivalent to a “cultural bomb” that make minority ethnic groups forget their “names”. Translinguism is as old as the mythical Babylon itself. But if in the usual communication the translingual practices are evaluated rather positively (as the strategy of cooperation with the Other, the pledge of communicative luck), so from the point of view of the creative discourse the opinions of both writers and researchers are ambiguous” [5. P. 391].

Распадавшаяся на «этнодома» советская культурно-историческая общность находилась в процессе подъема национального самосознания, что не могло отразиться на литературе и непосредственно на оценке ее. Вопрос соотношения художественных текстов русских и русскоязычных писателей с той или иной национальной культурой был одним из самых актуальных в тот период. Так, дагестанский исследователь писал, что, несмотря на точность А. Бестужева-Марлинского, «автора произведений на дагестанскую тематику “Акмаллат-Бек”»,

«Мулла-Нур» и т.д. — он не может считаться национальным писателем Дагестана» [6].

По мнению Ш. Мазанаева, достаточно много споров вызывают произведения русскоязычных писателей нерусского происхождения. Армянка Мариэтта Шагинян, грузин Булат Окуджава, кореец Анатолий Ким, еврей Эммануэль Казакевич, татарин Михаил Львов, башкир Анатолий Генатуллин в восприятии читателя — русские писатели, хотя в их произведениях ярко ощущаются следы нерусского происхождения — как на уровне языка и стиля, так и в специфике выбора тем, проблем и изображения характеров [6].

Известный литературовед и критик В.Д. Оскоцкий, отмечает, что сближение с инонациональными литературами и культурами, соприкосновение с ними, вхождение и погружение в них наложили неустранимую печать и на творчество русских писателей, а значит, на саму русскую литературу. Сожалея о сужении переводческой деятельности после распада советской общности, В.Д. Оскоцкий отмечает, что расширение читательской аудитории стало одним из стимулов национального литературного процесса, выработав свои закономерности, отличительные параметры и свойства. Советская литература не представляла собой сумму слагаемых литератур, а была явлением намного более сложного порядка [7].

В начале нового века в «Мире русского слова» появляется статья известного и авторитетного ученого — литературоведа Н.Л. Лейдермана (1939—2010), посвятившего большое количество работ феномену русскоязычной литературы. Ученый, как нам представляется, с большим сожалением пишет о том, что «мы даже не умеем ценить то великолепное культурное явление, которое родилось на почве духовного сообщения разных народов, что волею судьбы были собраны в российском государстве. Я имею в виду так называемую “русскоязычную литературу”; поразительный феномен, подобно которому нет, кажется, в мире» [8. С. 61—62].

Представленные позиции являются достаточно репрезентативными для понимания феномена русскоязычной литературы, исследуемой в настоящее время практически во всех постсоветских странах (исключая страны Балтии). Дискуссионной остается данная проблематика для исследователей внутри Российской Федерации, в ее субъектах. Об этом свидетельствуют как научные труды (монографии, книги) последних двух десятилетий (Г.Д. Гачев, Н.Г. Джусойты, Н.Л. Лейдерман, М.В. Тлостанова, И.С. Хугаев и др.), так и диссертационные исследования и отдельные работы (В.Р. Аминова, У.М. Бахтикиреева, О.А. Валикова, Г.Г. Гамзатов, Е.И. Зейферт, Е.Н. Кремер, А.Б. Цырендоржина и др.).

В исследовательских работах современных филологов определяются истоки русскоязычной литературы [9], русскоязычное творчество нерусских авторов рассматривается как актуальная междисциплинарная проблема (У.М. Бахтикиреева) [10].

В контексте представленных выше позиций важным представляется отметить особую точку зрения русского ученого-системолога к данной проблематике. Речь идет о Г.П. Мельникове, обратившем внимание на необходимость изучения русскоязычных текстов нерусских авторов. Феномен создания русскоязычной литературы представлялся ученым уникальным явлением, в частности, «не будучи русским», писатель приобщал русских к «образности и переживаниям, мироощу-

щению» других народов. Совмещение двух языковых стихий, двух разных систем образов порождает особый текст, в процессе создания которого нерусский автор «находит из еще ненайденных русских средств такие, которые приспособлены для выражения образов» иных культур» [4. С. 4–5].

Иными словами, русскоязычный автор, четко разграничивая особенности двух культур и языков, их обслуживающих, использует язык творчества для передачи значений, важных с точки зрения этнического языка.

При сравнении способов выражения одного и того же образа, элемента окружающей действительности русскоязычный писатель различает систему значений данных языковых культур, семантические характеристики языковых единиц двух различных систем.

Речь идет о специфической и целенаправленной коммуникативной деятельности, которая, как любой другой вид деятельности, регулируется определенной моделью поведения [4]. Создаваемые русскоязычными авторами художественные тексты отражают особый лингвокреативный способ осмысления окружающей действительности, своеобразное мироощущение ментальности, синкретизировавшее в себе архетипы культуры этноса, к которому он принадлежит по праву рождения (этнокультурный код нации) и возможности русской языковой системы, способной передавать этнокультурный код иного народа.

Русскоязычные тексты можно рассматривать как богатейший материал для более глубокого понимания особой функции русского языка в историческом процессе — быть одним из средств выражения образов иных культур [4]. Благоприятным материалом для этого служит заимствования из этнического языка русскоязычного автора, лексика с национально-культурным компонентом семантики, безэквивалентная и относительно безэквивалентная лексика, использованная в русскоязычном тексте. При этом семантические или стилистические изменения, приносимые этими лексическими группами, не влекут за собой изменений, способных существенно повлиять на диахроническую трансформацию информационного кода русского языка.

Как видим, лингвисты (а не только литературоведы) считают, что в русскоязычной художественной литературе запечатлен особый русский язык, который следует подвергать исследованиям. Кроме того, как показывают работы лингвистов, русскоязычные художественные тексты доказывают своим существованием *высокую степень кодифицируемости русской языковой системы* [4. С. 241].

В последние годы в некоторых российских научных журналах отмечается, что интерес к текстам и литературе, в целом написанной на языке метрополии, все более актуализируется.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русскоязычная литература — совокупность художественных текстов (проза, поэзия, драма, в том числе автоперевод), созданной не русскими авторами на русском языке. Это литература не национальная, а транснациональная и транслингвальная: “The significance of the term ‘translingualism’ indicates a new quality of texts (including literary texts) that cannot be identified as ‘bilingual’ or ‘monolingual’.

Translingual text implies a lack of clear boundaries between the contacting languages, as well as specific integration of linguistic resources within the literary whole thing” [11. P. 222]. Как полагают исследователи [5], это само измененное состояние глобальной семиосферы, вызванное мощными информационными потоками в обществе. Если рассматривать транс как защитный механизм коллективной психики, благодаря которому происходит «внутреннее переконструирование» образов мира, то «транс» культуры — это способ ее самосохранения, «растяжения» и усиления границ одновременно. Это предполагает следующее.

1. Локальные культуры, находящиеся под давлением культур «глобальных» (и их языков), функционируют в «смешанном дискурсе», внутри которого циркулируют элементы различных языковых и культурных систем.

2. Локальные культуры зачастую уходят в интроспекцию, в этническое воображаемое, память народа, архетипический субстрат этноса, чтобы противостоять вынужденной унификации со стороны глобального социума. При этом средством вербальной трансляции этнокультурного содержания нередко становится более широкий в функциональном отношении язык-посредник (английский, русский и др.). В подобных условиях и зарождается транслингвальная литература.

3. Кризис «конца локальности» (о котором рассуждают Делез, Глаттари, Баба, Глостанова) индуцирует переход мыслящих субъектов эпохи постмодерна в «пространство венаходимости», внемности, «культурной ловушки». Это ощущение можно описать формулой «ни тут, ни там» (А. Шмидт), когда личность занимает промежуточное положение на «перекрестке культур», не входя ни в одну из них как в среду своего обитания» [5].

Можно говорить о том, что русскоязычная литература относится почти ко всем параметрам измерения витальности русского языка: *социально-политический параметр* — книгоиздание; *социально-демографический параметр* — билингвизм, степень двуязычия; *собственно лингвистические параметры* — внутрискруктурные параметры (скорость распространения языковых инноваций, устойчивость языка к иноязычному влиянию, динамика развития лексикона и др.); *социально-функциональные параметры* — количество функций языка (высокая степень кодированности русского языка) и интенсивность его использования в образовании (основной сфере формирования языковой компетенции), науке (гуманитарной и естественно-технической); *национально-культурные параметры* — различные виды литературы (художественной).

Эту литературу можно рассматривать как особый параметр измерения витальности русского языка. В русской языковой «оболочке» воссозданы художественные образы иных «видений» национальных картин мира.

© Тодорова И.Д., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж. и др. Словарь социолингвистических терминов. Алматы: Қазақ университеті, 2007.
2. Ауэзов М.М. Иппокрена. Хожение к колодцу времен. Алматы: Жибекжолы, 1997.
3. Джусойты Н. О национальном стиле и национальном языке // Литературная газета. 1957. 17 октября.

4. *Бахтикиреева У.М.* Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). Изд. 2-е доп. Астана: ЦБО и МИ, 2009.
5. *Bakhtikireeva U., Valikova O.* Among the Wor(l)ds: Post-Soviet Translingual Literature // SGEM 2017 Conference Proceedings 4-th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Scitences and Arts. 24—30 August, 2017. Albena Co., Bulgaria Volume II. Pp. 391—398.
6. *Мазанав Ш.* Многоязычие в мировой литературе // Литературный Дагестан. Приложение № 14. 14.01.2003.
7. *Оскоцкий В.Д.* От какого наследства мы не отказываемся (Заметки полемические, ностальгические...) // Вопросы литературы. 2001. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2001/6/oso-pr.html>
8. *Лейдерман Н.Л.* Спасать литературу — спастись литературой (о статусе предмета «Литература» в российской школе) // Мир русского слова. № 3 (11). 2002. С. 58—66.
9. *Бахтикиреева У.М., Валикова О.А.* Истоки транслингвальной русскоязычной литературы // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Т. XIV. Вып. 1. 2017. С. 18—23.
10. *Бахтикиреева У.М.* Русскоязычие как актуальная междисциплинарная проблема // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 1 (45). С. 92—97.
11. *Valikova O., Bakhtikireeva U.* Literary Crossover: On the Problem of Literary Translingualism // Analele Universității din Craiova. Seria Științe Filologice. Lingvistică. No. 1-2. 2017. Pp. 218—230.

История статьи:

Поступила в редакцию: 24.10.2017

Принята к публикации: 27.12.2017

Модератор: В.П. Синячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Тодорова И.Д. Витальность русского языка и русскоязычная литература // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2018. Т. 15. № 1. С. 118—127. DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-118-127

Сведения об авторе:

Тодорова Ивелина Димитрова — аспирант кафедры русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов. E-mail: eve_li@mail.ru

VITALITY OF THE RUSSIAN LANGUAGE AND RUSSIAN-LANGUAGE LITERATURE

I.D. Todorova

Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklay str., Moscow, 117198, Russian Federation

With this article we attempt to understand the vitality/viability of the Russian language through the prism of Russian-language (translational) literature, created by non-Russian origin authors. By vitality,

we mean the language's ability to survive, develop, maintain its systemic-typological properties. According to sociolinguists, the vitality of any language is measurable. There is a number of parameters: socio-political, socio-demographic, linguistic, socially-functional, national-cultural. The present work is focused on a special parameter for measuring the vitality of the Russian language — Russian-language literature. In our opinion, Russian-language literature (alternative definition — translational literature) is a complex interaction of two (or more) language systems, producing a semantically and structurally enriched literary field. The corpus of translational art texts is a database that accumulates and develops the potencies of the Russian language. Main methods: deductive and evaluation-descriptive.

Key words: language vitality, parameters of the vitality measurement of the language, Russian-language (translational) literature

REFERENCES

1. Sulejmenova, Je.D., Shajmerdenova, N.Zh. et al. 2007. Slovar' sociolingvističeskikh terminov [Dictionary of Sociolinguistics Terms]. Almaty: Қазақ университети. Print. (in Russ.)
2. Aujezov, M.M. 1997. Ippokrena. Hozhdenie k kolodcu vremen [The Path to the Well of Times]. Almaty: Zhibekzholy. Print. (in Russ.)
3. Dzhusojty, N. 1957. O nacional'nom stile i nacional'nom jazyke [On National Style and National language]. Literaturnaja gazeta. Print. (in Russ.)
4. Bahtikireeva, U.M. 2009. Tvorčeskaja bilingval'naja ličnost' (osobnosti russkogo teksta avtora tjurksskogo proishozhdenija) [Creative Bilingual Personality]. Izd. 2-e dop. Astana: CBO i MI. Print. (in Russ.)
5. Bakhtikireeva, U., and O. Valikova. 2017. Among the Wor(1)ds: Post-Soviet Translingual Literature // SGEM 2017 Conference Proceedings 4-th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts. 24—30 August, Albena Co., Bulgaria Volume II. Pp. 391—398.
6. Mazanaev, Sh. Mnogojazyčhie v mirovoj literature [Polylinguaging in a World Literature]. Literaturnyj Dagestan. Prilozhenie № 14. Access: 14.01.2003.
7. Oskockij, V.D. 2001. Ot kakogo nasledstva my ne otkazyvaemsja (Zametki polemicheskie, nostal'gicheskie...). Voprosy literatury 6. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2001/6/oso-pr.html>
8. Lejderman, N.L. 2002. Spasat' literaturu — spasat'sja literaturoj [To Save Society Saving Literature] (o statuse predmeta «Literatura» v rossijskoj shkole). Mir russkogo slova 3 (11): 58—66.
9. Bahtikireeva, U.M., and O.A. Valikova. Istoki translingval'noj russkojazyčnoj literatury [The Origins of Translingual Literature]. Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. 14 (1): 18—23.
10. Bahtikireeva, U.M. 2015. Russkojazyčhie kak aktual'naja mezhdisciplinarnaja problema [Russian-Linguaging as a Perspective Interdisciplinary Problem]. Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. 1 (45): 92—97.
11. Valikova, O., and U. Bakhtikireeva. 2017. Literary Crossover: On the Problem of Literary Translingualism. Analele Universităţii din Craiova. Seria Ştiinţe Filologice. Lingvistică. No. 1-2: 218—230.

Article history:

Received: 24.10.2017

Accepted: 27.12.2017

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Todorova, I.D. 2018. “Vitality of the Russian Language and Russian-Language Literature”. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 15 (2), 118–127. DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-118-127

Bio Note:

Todorova Ivelina Dimitrova is a Postgraduate Student at the Department of Russian Language and Intercultural Communication of Peoples’ Friendship University of Russia. E-mail: eve_li@mail.ru